

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ.

Кавказ в IV–I тыс. до н. э.

Материалы конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЕССЕНА

Санкт-Петербург
1996

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ.

Кавказ в IV–I тыс. до н. э.

Материалы конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИЕССЕНА

Санкт-Петербург
1996

белой пастой. Несколько образцов найдено на дне хозяйственной ямы, датируемой серединой VI вв. до н.э. И только в V в. до н.э. лощеные сосуды исчезают, вытесненные греческой гончарной столовой посудой.

Таким образом, керамический комплекс населения степной зоны Северного Причерноморья предскифского времени складывался на местной основе при сильном влиянии культур соседних племен – лесостепных, фракийских, протомеотских, северокавказских.

А. А. Ковалев

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОВ СОГЛАСНО ДАНЫМ АРХЕОЛОГИИ

Археологические открытия 1970–1990-х гг., как уже отмечалось, коренным образом изменили научные представления о происхождении основных компонентов культуры древних кочевников степей Евразии. Можно оспорить ту или иную датировку кургана Аржан в Туве, отдаленного от ближайшего центра письменной цивилизации на многие тысячи километров. Но факт появления изображений свернутых в кольцо и лежащих пантер, оленей „на цыпочках”, кабанов, головок хищной птицы в типичном скифо-сибирском зверином стиле, зеркал с бортиком и т. п. в памятниках типа Наньшаньгэнь (шаньжунов) северо-восточнее гор Яньшань, в 150 км от берега Ляодунского залива, уже в VIII веке до н. э. – примерно на столетие ранее появления характерных элементов скифского звериного стиля в переднеазиатских комплексах – отрицать совершенно невозможно (Kovalev, 1992, Ковалев, 1992). Такие комплексы, как Наньшаньгэнь M101, достаточно хорошо датируются по находящимся в них чжоуским предметам. О датировке могилы M101 концом Западного Чжоу, периодом конца IX – начала VIII вв. до н. э. см.: Могила, выложенная камнем..., 1973, здесь же необходимо обратить внимание на некорректность соответствующего рассуждения в монографии (Комиссаров, 1988), где совершенно верно указывается, что китайский инвентарь в могиле западночжоуский, а могила датируется „рубежом Западного Чжоу-Чуньцю” (т. е. первой половиной VIII в. до н. э.), но без каких бы то ни было объяснений, в противоречие с известными полевыми материалами, этот же инвентарь почему-то называется „аналогичным находкам на памятниках VIII–VII(?) вв.”, т. е. начала Восточного Чжоу(?).

Однако сам факт раннего появления элементов скифского культурного единства в Центральной и Восточной Азии еще не проясняет вопрос о месте формирования „скифо-сакского” культурного комплекса, понимаемого в широком смысле как набор специфических и устойчивых признаков, общих для культур горно-степного пояса Евразии в начале раннего железного века. Теоретически имеют право на существование и предположения о той или иной локализации этого центра (см. напр., Ильинская, Тереножкин, 1983, Исмагилов, 1988, 1989, Погребова, Раевский, 1992), и гипотеза о конвергентном развитии степных культур „предскифского” времени (Грязнов, 1980). В то же время на практике решить проблему происхождения скифо-сакского культурного комплекса можно только после точного определения предмета поиска. Необходимо выявить наиболее устойчивые и специфические черты скифо-сакской культурной общности на раннем этапе и попытаться найти именно эти признаки в памятниках предшествующего времени, причем учитывая, что распространение раннескифской культуры могло проходить как путем миграций древних кочевников, так и иными способами передачи культурных инноваций. Подобное исследование было предпринято автором на ином таксономическом уровне – с целью разрешения вопроса о происхождении двух типов каменных шлифованных топоров эпохи средней бронзы Предкавказья и глиняных курильниц афанасьевской культуры (Ковалев, 1989, 1995).

На сегодняшний момент искомыми специфическими признаками, едиными для запада и востока скифского мира, бесспорно могут считаться как минимум следующие: изображения свернувшегося в кольцо копачьего хищника, изображения оленя в „летащем галопе”, бронзовые кинжалы, снабженные утолщенным перекрестием с переломом в центре и опущенными „крыльями” любой формы, бронзовые втульчатые чеканы с расположенными по одной оси бойком и обухом равной тощины у втулки, бронзовые дисковидные зеркала с центральной петелькой и бортиком (стилистические особенности изображений в зверином стиле не учитываются вследствие неясности вопроса о специфически „скифских” чертах звериного стиля). Только обнаружение артефактов со всеми этими признаками в сочетании в комплексах одного времени ранее VIII в. до н. э. на ограниченной территории может быть подтверждением какой-либо из гипотез о локальном центре формирования скифской культуры.

Насколько мне известно, на относительно хорошо исследованных территориях Причерноморья, Северного Кавказа, Переднего Востока, российской части Центральной Азии, Средней Азии, Казахстана, Северо-Восточного Китая таких комплексов не обнаружено. Некото-

рые надежды остаются в отношении почти не исследованной зарубежной части Центральной Азии: здесь в эпоху поздней бронзы существовал развитый звериный стиль культуры Чаодаогуо и более позднего времени – изображения голов баранов и горных козлов, хищников, птичьих головок и т. п. (см. напр. У Энь, 1985, Lin Yun, 1986, Kovalev, 1992. Bunker, 1995). На Монгольском Алтае и в Саянах сконцентрированы находки оленных камней „скифского” типа, возможно, очень ранних, поскольку они синхронны „монголо-забайкальским” изваяниям выделенной автором культуры оленных камней, как было показано нами еще в статьях: О культуре оленных камней//История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии, 1986 и Kovalev, 1986. Еще один оленный камень опубликован Килуновской, Семеновым (1993). В комплексах эпохи Западного Чжоу в Байцаопо (Линтай, Ганьсу) (XI–X вв. до н. э.) обнаружены бронзовый чекан, имеющий некоторые признаки скифского, и секира, лезвие которой выполнено в виде выгнувшейся „пантеры” (Чу Шибинь, 1977). Но все это лишь косвенные признаки.

Единственными прямыми свидетельствами существования „протоскифского” культурного комплекса, доказывающими его формирование именно в глубинах Центральной Азии, являются находки в могиле M1040 на стоянке Чжукайгоу (Ордос, Внутренняя Монголия) и в комплексе у дер. Чэньшаньтоуцунь близ гор. Луаньсянь (северо-восток Хэбей). В могиле 1040 на стоянке Чжукайгоу (V стадия) обнаружен бронзовый кинжал с утолщенным перекрестием с переломом, характерным исключительно для скифо-сакского мира, а вместе с ним бронзовый нож с подрезкой и бронзовый клевец „гэ”, датирующий комплекс раннешанским временем (период Эрлиган) – серединой II тыс. до н. э. (Чжан Шаоцзун, Тянь Гуанцзинь, 1988, о датировке комплекса и клевца „гэ” см. напр.: Шанские бронзы периода Эрлиган..., 1976, Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1988, Варенов, 1989) (рис. А).

Комплекс Чэньшаньтоу содержит уникальный бронзовый чекан с округлым в сечении бойком, заостренным на конце с верхней и нижней стороны, с округлым в сечении обушком, как бы „налитыми” на расширяющуюся вниз втулку, и – что еще более поразительно – с петелькой под бойком (единственный случай среди всех топоров и клевцов доскифского времени, обнаруженных в Китае). Найденные вместе с этим чеканом бронзовый иньский „лнн” („предмет в форме лука”) и позднешанский треножник „дин” датируют комплекс позднешанским („иньским”) периодом – XIII–XI вв. до н. э. (Мэн Чжаоюн, 1989).

Если выше был предложен путь поиска археологических свидетельств начала скифо-сакского культурного единства, то принципиально иной выглядит задача определения места происхождения скифов Геродота – одной или нескольких этнических групп, вторгшихся в Переднюю Азию и в европейские степи в VII в. до н. э. Для решения этой задачи необходимо выявить исключительно этноопределяющие признаки в „скифских” памятниках Причерноморья, Северного Кавказа и Передней Азии. Если таковые признаки будут обнаружены в памятниках раннескифского времени на других территориях, это будет указывать на миграцию древнего населения в том или ином направлении. Причем этноопределяющими могут оказаться самые различные из дошедших до нас признаков древних культур, как на археологическом материале письменного периода показали еще такие специалисты, как А. А. Спицин (А. А. Спицин, 1899, Седов, 1982, для латена см.: Шукин, 1994), лишь бы это было доказано в каждом конкретном случае. Работа по выявлению этноопределяющих признаков племен скифского времени на территории зарубежной Центральной Азии в соответствии с данными письменных источников была проведена автором в 1992 г. (Ковалев, 1992).

Как предположил М. П. Грязнов, этноопределяющими для древних кочевых племен могли быть различные типы предметов конской упряжи, и прежде всего – псалии (Грязнов, 1950, 1980). Наиболее серьезным основанием для такого вывода послужило обнаружение в Аржане 13 групп верховых коней с особым типом уздечного набора каждая, поднесенных погребенному „царю” – по мнению М. П. Грязнова – подчиненными „этнографическими” группами населения. Как выяснилось, аналогичную картину представляют собой конские захоронения, сопровождающие „царские” могилы 1 и 2 Келермесских курганов (раскопки Н. И. Веселовского) (Ковалев, 1987). Так, погребение в 1 Келермесском кургане сопровождают три группы лошадей, одна из которых (12 лошадей) уложена в могильную яму и не имеет сохранившихся элементов узды, кроме двух полихромных фаларов, а остальные две группы по шесть лошадей каждая уложены вдоль края ямы, причем лошади одной группы имеют трехпетельчатые железные стержневидные псалии, украшения с геометрическим орнаментом в стиле „предскифских” памятников Северного Кавказа; лошади второй группы – деревянные псалии с костяными навершиями в виде головок барана на одном конце и бараньего копыта на другом (видимо, копии соответствующих костяных), а также различные украшения, выполненные в зверином стиле. При этом „передние” кони каждой группы имеют более богатый убор, нежели последующие. К сожалению, полностью опубликовавшая этот материал

Л. К. Галанина не поставила вопрос об этническом характере указанных различий (Галанина, 1983).

В то же время имеющийся обширный материал показывает, что костяные трехдырчатые псалии с головками баранов либо грифонобаранов и их деревянные аналоги с одной стороны, и железные стержневидные трехпетельчатые псалии с другой стороны, являются наиболее характерными и специфичными для всех памятников раннескифской культуры европейской степи и лесостепи (Іллінська, 1961, Ильинская, 1968, 1975, Халиков, 1977, Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, Ковпаненко, 1981, Ильинская, Тереножкин, 1983, Петренко, 1983, 1989, Мурзин, 1984, Батчаев, 1985, Шрамко, 1987, Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, Галанина, 1989, Махортых, 1991), именно такие псалии связываются со скифским проникновением в Закавказье (Техов, 1980, Погребова, 1984, Есаян, Погребова, 1985). В Передней и Малой Азии все чужеродные псалии, обнаруженные в памятниках эпохи скифских походов, практически исчерпываются костяными описанного типа (наиболее полная сводка – Медведская, 1992). Псалии описываемых двух типов сочетаются в погребениях преимущественно друг с другом (см. например, такие памятники, как Репяховатая Могила, Аксютинцы, к. 470, Балябина Могила, Старшая Могила, Келермес, кург. ІВ, 2В). Особенно интересны материалы могильника Нартан, где захоронения лошадей с псалиями обоих типов обнаружены в наиболее древней части могильника, причем в трех могилах – в сочетании друг с другом (Батчаев, 1985, Алексеев, 1992).

Если происхождение железных стержневидных псалиев можно связывать с более ранними стержневидными бронзовыми петельчатыми псалиями предскифских культур Северного Кавказа, то костяные псалии вышеописанного вида являются явной инновацией, не имеющей прямых истоков в культурах предскифского времени европейского степного региона. В то же время ареал распространения этих псалиев ограничен территорией Северного Причерноморья, украинской лесостепи, Северного Кавказа, Закавказья, Передней Азии. Два наиболее восточных псалия этого типа обнаружены как случайные находки в Поволжье и на Южном Урале (Смирнов, 1964, 1989). Показательно, что в ранних памятниках ананьинской культуры, имеющей наибольшие связи с северокавказскими предскифскими памятниками, из двух указанных совокупностей псалиев обнаружены только железные стержневые трехпетельчатые (см. например, Халиков, 1977).

Если исходить из определенных методологических принципов, то придется признать, во-первых, что использовавшие совершенно иные

типы псалиев (сходство которых с черногоровскими имеет, как показали материалы Аржана, стадиальный, а не „этнический” характер) племена, составлявшие „аржанский” племенной союз, в европейские степи не вторгались, а, во-вторых, что только обнаружение костяных трехдырчатых псалиев с навершием в виде головы барана (грифонобарана) на одном конце и рельефным изображением бараньего копыта на другом в комплексах раннежелезного века на территории, отдаленной от основного ареала их распространения, может быть свидетельством миграции этнической группы населения, которую следует связывать со скифами либо с другой частью скифского племенного союза.

В 1980-х гг. костяные трехдырчатые псалии искомого типа (фрагмент одного и почти полностью сохранившийся другой псалий) были обнаружены в могильнике эпохи раннего железа Чаухугоу I (уезд Хэцзин) в южных предгорьях хребта Борохоро (Тяньшань) на территории Синьцзяна, в 3000 км к востоку от ближайшего местонахождения этих псалиев в Передней Азии (Лю Эньгоу, Чжоу Цзиньлин, 1987, Чжи Бичжэ, Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ, 1988) (рис. Б). Наряду с ними в могильнике были найдены бронзовые втульчатые топоры и чеканы, стремечковидные удила, бронзовые стрелы, предметы, оформленные в „скифском” зверинном стиле и т. п. Хотя датировать комплексы с псалиями можно лишь приблизительно (датировка могильника по C^{14} - 990-625 гг. до н.э.), очевидно, что они относятся к раннему этапу культур древних кочевников (Debaine-Francfort, 1988, Jettmar, Kossak, 1992).

Если связать движение скифских племен с востока на запад с давлением исседонов либо массагетов, заставивших их перейти Аракс-Амударью (Hdt. IV, 11, 13), и считать находку описанных псалиев свидетельством первоначальной локализации скифов, то тогда можно объяснить отсутствие геродотовых (чит. – аристеевых) скифов в междуречье Амударьи и Сырдарьи и вообще в Средней Азии, где они и должны были в этом случае проживать. Не случайно к выводу о размещении „скифов” именно в Средней Азии перед началом переднеазиатских походов приходят И. В. Куклина и А. Ю. Алексеев, наиболее аргументированно отстаивающие версию о проникновении скифов в Переднюю Азию с востока (Куклина, 1985, Алексеев, 1992). Дело в том, что если „скифы” обитали в южных предгорьях Тяньшаня, а на них оказали давление исседоны, населявшие территорию от Тяньшаня к северу или северо-востоку (см. Hdt, IV, 25; Pt. Georg. IV, 13, 3, VI, 15, 4, 16, 5, 7), то единственным направлением миграции для скифов оставался только древнейший путь на запад (оставлявший Сырдарью и собственно Среднюю Азию

с севера) – вдоль хребтов Борохоро, Кокшалатау, Алайского, Зеравшанского, Гиссарского, через „железные ворота” – к берегу Амударьи. Эту реку они должны были перейти и двинуться далее на юго-восток, поскольку при движении на север они как раз столкнулись бы с массагетами, населявшими междуречье Амударьи и Сырдарьи (Hdt, I, 201, 204, 1, 209, 1).

Именно этой дорогой воспользовались впоследствии юэцжи, прошедшие под натиском хунну от Ганьсуйского коридора до междуречья Амударьи и Сырдарьи и далее на территорию будущей кушанской империи (см. Боровкова, 1989).

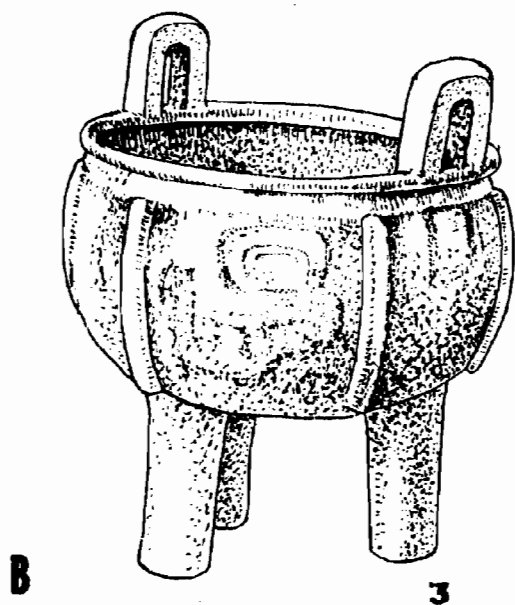
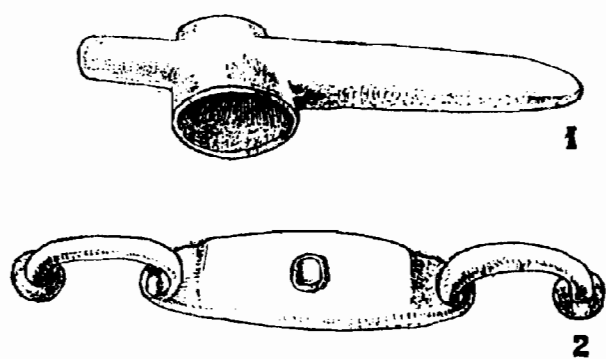
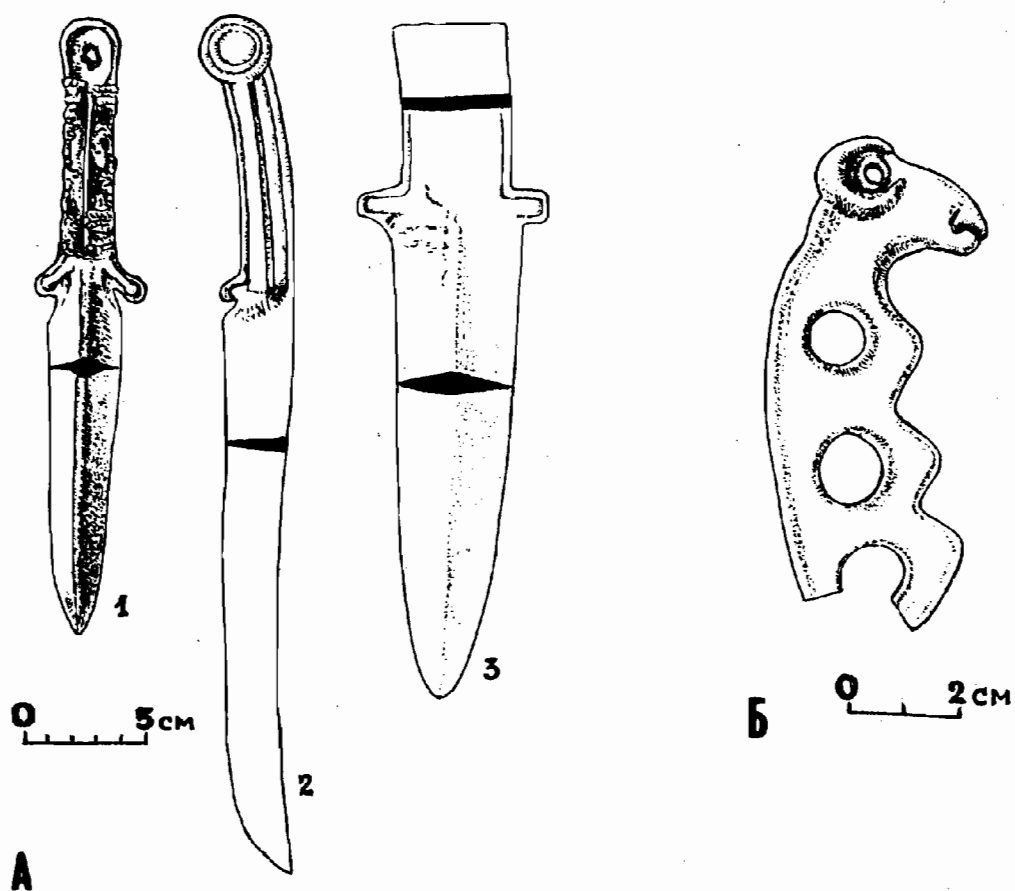
В. С. Ольховский

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА КАВКАЗА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

(некоторые итоги и перспективы исследования)

Географическое расположение кавказского региона, перекрывающего Черноморо-Каспийский проход, во многом определяло своеобразие материальной, духовной и художественной культуры его населения на протяжении тысячелетий. Резко отделяя черноморозово-каспийские степи от ареала оседлых древневосточных цивилизаций, Кавказ и соединял их, являясь в то же время относительно труднодоступным этнокультурным изолятором. Археологические материалы III тыс. до н.э. – I тыс. н.э. подтверждают важную роль Кавказа, а также Предкавказья и Закавказья в сложении и развитии межкультурных и межэтнических связей. Данный вывод, подтверждаемый и письменными источниками, вполне актуален и для эпохи раннего железа.

Наиболее важными этнокультурными индикаторами (наряду с погребальной обрядностью, предметами культа и т. д.) являются произведения искусства, зримо воплощавшие элементы специфической, присущей конкретному этносу религиозно-мифологической системы. Данная система, тесно взаимосвязанная с социальной и хозяйственно-бытовой сферами жизни, была в то же время и важнейшим инструментом идентификации/самоидентификации этноса. В полной мере это относится и к монументальным изваяниям, которые в силу своих технических характеристик (вес, размеры), назначения (надгробные и меморативные памятники), малоценности материала (камень), как правило, не представляли интереса как трофеи, сокровища и объекты обмена. Но именно эти качества обусловили большую этнокультур-

К статье А. А. Ковалева

А – комплекс Чжукайгоу М 1040, бронза: 1 – кинжал, 2 – нож, 3 – клевец „гэ”

Б – псалий из могилы в кургане Чаухугоу I М030

В – комплекс Чэньшаньтоу, бронза: 1 – чекан, 2 – „пин”, 3 – треножник „дин”